

наша повесть. Почему он обратился к повести, мы можем до некоторой степени и представить себе: Авраамий, как монах и придворный политический деятель Смутного времени, был несомненно начитан в тогдашней литературе, но главным образом — в религиозно-учительной, в религиозно-исторической и, может быть, исторической, но менее осведомлен был в области такой специфической, преимущественно мирской письменности, какова литература военного характера. Кроме того, он, как известно, непосредственным свидетелем и участником событий осады Троицкого монастыря не был (он это время прожил в Москве на подворье своего монастыря), почему он мог писать только по слухам и по рассказам участников осадного сидения (см. стлб. 1023). Все это взятое вместе показывает, что Авраамий сознавал, что на его писательской палитре нет красок для обрисовки боевых событий, а потому он и обратился за ними к Повести о взятии Царьграда, как популярной в его время. В «Сказании» Палицына мы имеем один из заметных фактов влияния повести в начале XVII века¹ на памятник, хотя и родственной по теме, но иной по содержанию.

ХІІІ

Для дальнейшей судьбы нашей повести, главным образом в письменности XVII века, представляют интерес те ее тексты, которые встречаются вне больших компиляций — Хронографов, Степенной книги, летописных сборников. Вероятно, таких текстов этого популярного памятника было довольно много в рукописях, насколько о том можно судить по сохранившимся текстам, в основном в сборниках.² Они представляют собой большей частью или простую более или менее исправную копию с одной из рассмотренных редакций повести (чаще всего «хронографической»), либо пересказ или извлечение из нее, не имеющее редакционного характера; не имея ни возможности, ни особой надобности подробно проанализировать их все, нахожу не безынтересным остановиться на некоторых, намечающих собою кое-какие факты в литературной традиции повести.

К числу таких текстов, думается, принадлежит Увар. 536 (в 4-ку, конца XVII в., лл. 183—218). Здесь текст, хотя он и входит в сборник различных статей, но выделен после чистой части оборота предыдущего листа особой заставкой (травная, черная, печатного стиля) в качестве отдельной статьи сборника. В этой статье, озаглавленной «Бытие о Царьграде, како создан бысть Константином царем и како взят бысть от турецкого царя Бахмета», соединены, как видим, обычные (для комплексов и в Хронографах) рассказы о построении Царьграда и о его взятии.³

По чтением и по составу текст этот далеко не из исправных. Писец, повидимому, относился к своему делу небрежно и механически, допуская много ошибок в словах и формах, внося иногда путаницу и даже бессмыслицу.⁴ Кроме того, в тексте находим сокращения и перестановки,

¹ «Сказание» в окончательной редакции сложилось около 1620 года.

² Судя по существующим описаниям рукописей, например, в собрании Уварова (ГИМ) таких текстов XVII века я насчитал по описанию Леонида восемь (помимо входящих в Хронографы), в собрании Богданова (ГПБ) — тринадцать.

³ Текст сказания о построении Царьграда — обычный и вполне совпадающий с напечатанным в ПСРЛ, XXII, но с добавкой: «Конец строению града», после чего непосредственно в строку и без заглавия идет повесть о взятии Царьграда. Этот текст под шифром Царск. № 401 упомянут А. Н. Пыпиным в его «Очерке старинных повестей и сказок русских» (М., 1858, стр. 215).

⁴ Примеры: «Риму» вм. «в миру»; вместо обычного: «вся, яже наведе на ны и на град твой святыи праведным и истинным судом, сотворил еси грех наших ради и несть»